

**МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ***

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, доцент, профессор

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Статья посвящена исследованию философско-этических предпосылок развития современной экономики, на примере основных религий мира. Последний глобальный финансовый кризис имел не столько экономические, сколько духовно-нравственные причины, будучи во многом кризисом этических ценностей. В связи с этим все более актуально обращение к традиционным этическим ценностям, связанным с мировыми религиями, эффективно обеспечивающими ответственное человеческое поведение. Как показывает практика последних десятилетий и исследования ученых, мировые религии имеют значительный инновационный потенциал для положительного влияния на современную экономику

Ключевые слова: религия, экономика, хозяйственная культура, хозяйственная этика, протестантизм, православие, буддизм, конфуцианство, ислам

**WORLD RELIGIONS AND PHILOSOPHIES AND ETHICAL PRECONDITIONS
FOR THE DEVELOPMENT OF A MODERN ECONOMY**

Ulanov Mergen S., D.Sc. (Philisophy), Associate Professor, Professor

Kalmyk State University.
11 Pushkin st., Elista, 358000, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

The article investigates the philosophical and ethical foundations of modern economic development, on the example of the major religions of the world. The recent global financial crisis had not so much economic as spiritual and moral reasons, being largely a crisis of ethical values. In this regard, all the more urgent appeal of traditional ethical values related to world religions, effectively providing a responsible human behavior. As practice shows the last decades and research scientists, world religions have considerable innovative potential for a positive impact on the modern economy.

Keywords: religion, economics, economic culture, economic ethics, Protestantism, Orthodoxy, Buddhism, Confucianism, Islam

Еще сравнительно недавно, в 2008 году, мировую экономику потрясли драматические кризисные изменения, которые затронули почти все страны мира – как богатые постиндустриальные страны, так и государства с переходной и развивающейся экономикой. Банкротство крупных американских ипотечных компаний привело в действие механизм кризисных процессов в мировой экономике. От пагубных последствий мирового финансового кризиса пострадали многие миллионы людей, которые были лишены своих рабочих мест вследствие массового разорения компаний. В результате они потеряли возможность выплачивать кредиты по ипотеке и, соответственно, потеряли жилье, а вместе с ним и надежд на нормальную жизнь и будущее своих детей.

Глобальный финансовый кризис имел не столько экономические, сколько духовно-нравственные причины, будучи во многом кризисом этических ценностей. Именно пренебрежение последними в угоду неконтролируемому росту материальных благ и обществу потребления привело к столь драматическим последствиям для современного общества. Мировой финансово-экономический кризис показал всю пагубность эгоизма многих крупных компаний и некоторых богатых стран, стремившихся разрешить собственные проблемы за чужой счет. Оказалось, что ориентация на коммерческую выгоду любой ценой способно нанести достаточно сильный удар даже по устойчивой до сих пор системе современного капитализма. Таким образом, все более очевидной становится необходимость создания ответственной, нравственно ориентированной глобальной экономики, которая бы обеспечивала открытость и прозрачность работы мирового рынка.

В связи с этим все более актуально обращение к традиционным этическим ценностям, связанным с мировыми религиями, эффективно обеспечивающими ответственное человеческое поведение. Речь идет об использовании экономического инструментария, содержащегося в религиях как системах этических ценностей. Конечно, религия (как отношение личности к высшей

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15–03–00251а.

трансцендентной реальности) и экономика (как приобретение земных благ посредством труда) образуют две различные сферы человеческой деятельности. В то же время, как показывает практика последних десятилетий и исследования ученых, мировые религии имеют значительный инновационный потенциал для положительного влияния на современную экономику [5, с. 115].

Великий русский философ Н.А. Бердяев справедливо указывал, что экономическая и духовно-нравственная сферы тесно взаимосвязаны и не могут быть разъединены, поскольку хозяйственная деятельность является одним из проявлений духовной жизни общества. Значение духовно-нравственной жизни личности и народа, отмечал философ, для жизни хозяйственно-экономической огромно. Ведь именно от духовных факторов зависит дисциплина, организация и производительность труда. «В конце концов, дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство, как претворение природных сил, как их организация и регуляция, есть акт человеческого духа. И от качеств духа зависит характер хозяйства» [3, с. 250].

Один из известных примеров связи религии и экономики – влияние протестантской этики на становление капитализма. Так, термин «протестантская трудовая этика» в научный оборот ввел известный немецкий философ и социолог Макс Вебер, используя его в своей известной книге «Протестантская этика и дух капитализма». Изучив иудаизм, буддизм, ислам, индуизм, конфуцианство, М. Вебер сделал оригинальный вывод о том, что все эти религии не смогли создать условия для формирования капиталистической экономики. Фактор, способствовавший появлению и развитию западного капитализма, был обнаружен им в только протестантской этике. Развитие капитализма и экономический подъём в странах Запада Вебер объяснял существованием здесь протестантской этики. Суть этой концепции заключается в подчеркивании свойственной протестантизму мотивации человеческого труда, которая включает не только необходимость, но и этический элемент: труд может рассматриваться как исполнение религиозных или этических обязанностей. М. Вебер также считал протестантскую аскезу определенной формой духовной легитимизации неравенства. Этика протестантизма, по мнению ученого, определила рациональную организацию работы и трудовое рвение [7, с. 96–98].

Немецкий социолог провёл связь между успехами в социально-экономическом развитии европейской цивилизации с формированием протестантской ментальности. Трудовая этика, которая в значительной степени формирует и определяет качество современного труда, накапливалась поколениями последователей протестантизма. Отсюда и происходят различия в темпах и уровнях развития государств, являющихся носителями тех или иных религий. М. Вебер полагал, что предпосылки для зарождения капитализма существовали уже в античности и в средние века, но только протестантизм, по его убеждению, способствовал тому, что он стал развиваться бурно и стремительно. Применяя статистический метод, Вебер показал, что капитализм был наиболее развит и наиболее процветал именно там и в тех странах, где государственной религией был протестантизм – в Англии, Германии, Америке. И, наоборот, у непротестантских наций экономический рост происходил гораздо медленнее.

Действительно, протестантизм с его акцентом на прямой связи верующих и ответственности перед Богом кажется благоприятным фоном для развития производительных сил. Возникнув в период Реформации в качестве ответа на требования времени, протестантизм создал принципиально новый тип человека с совершенно новым отношением к труду. Реформация стала главным фактором, повлиявшим на формирование национальной ментальности передовых стран Европы и Америки и развитие английской, немецкой, голландской, американской и ряда других культур. Протестантизм изменил систему ценностей, образ жизни и положил начало новым традициям. Простота, рационализм, скромность, честность, аскеза, добросовестность и прилежание в значительной степени определили образ жизни и мышление и миллионов людей в Старом и Новом Свете, для которых жизнь стала своеобразным осознанным долгом перед Богом и обществом. Казалось бы, такие светские ценности как бережливость, трудолюбие, пунктуальность и аккуратность превратились здесь в религиозные добродетели. При этом вера стала уже глубоко индивидуальным делом.

Интересным представляется применение подхода М. Вебера к православной культуре. Несмотря на то, что православие не стало специальным предметом его анализа, Вебер считал, что и данная конфессия не поддерживает необходимую для развития капитализма мотивацию – трудовую, а не мирскую аскезу. Основанием для подобного вывода являются сведения, полученные из его переписки с русским философом С.Н. Булгаковым по поводу революции 1905 г. [16, с. 42] Важно отметить, что протестантская этика входит в противоречие со святоотеческим учением о собственности и богатстве, и поэтому совершенно не согласуется с православной богословской культурой. Совершенно чуждым для православия является кальвинистский дог-

мат о предопределенности людей к спасению и связанная с ним концепция видение признаков духовного спасения в коммерческой удаче.

Одним из первых применить идеи М. Вебера к православию попытался С.Н. Булгаков в статье «Народное хозяйство и религиозная личность». Можно заметить, что данная работа, как впрочем, и некоторые другие позднейшие статьи русского философа, буквально пронизана духом «Протестантской этики...». Булгаков стремился переосмыслить идеи Реформации в специфически православном ключе. Социолог Ю.Н. Давыдов в работе «Вебер и Булгаков», указывает, что последний находился под большим впечатлением от веберовской теории первичности религиозной морали в ходе формирования новой формы хозяйственной жизни и нового типа экономики [9, с. 57].

Булгаков уделял значительное внимание экономическим аспектам православия, которые будучи сильно отличающимися от протестантской морали, имеют немалый потенциал. Он считал, что православная культура располагает мощными средствами воспитания личности, в частности методами формирования у человека «чувства личной ответственности и долга», которые крайне важны «для экономической деятельности, как и для всех остальных видов общественного служения». В числе таких мощных методов он называет традицию «аскетического послушания». Кроме того, Булгаков обращает особое внимание на тесную связь русского капитализма со старообрядческой православной традицией, которая дала России «представителей целого ряда крупнейших русских фирм [4, с. 183–184]. Таким образом, Булгаков не только призывал изучать проблему влияния религии на хозяйство, но и поставил вопрос о необходимости исследования влияния старообрядчества на развитие капитализма в России.

Взгляд Булгакова на роль старообрядцев в развитии экономики России разделялся и выходцем из старообрядческой среды И.А. Кирилловым, отмечавшим в своей книге «Правда старой веры» (1916), что причины успешности староверов в экономической деятельности следует искать в их мировоззрении, а также в определенном типе личности, который выработался в старообрядческой традиции. И.А.Кириллов считал, что особенность старообрядчества заключалась в том, что оно смогло в полной мере воплотить в своей хозяйственной жизни подлинное христианское учение [12, с. 258–271].

Как отмечает Е.А. Архипова, в конце XIX – начале XX в. в общественной мысли России проблема влияния религии на экономическое развитие была только сформулирована. Интерес отечественных авторов к дискурсу относительно роли конфессионального фактора в формировании капиталистического хозяйства был сравнительно небольшим. «В свете новых теоретических разработок был также поставлен вопрос о необходимости изучения влияния старообрядчества на развитие капитализма. Однако к разработке этой проблематики российская историография так и не приступила» [1, с. 246].

В последнее время интерес к православной экономической культуре возрос. Данный интерес обусловлен тем, что в состав Европейского Союза вошла целая группа православных стран. Кроме Греции в ЕС теперь входят Кипр, Болгария и Румыния. Проблема феномена православной цивилизации и традиции сегодня становится актуальной, требуя ответа и понимания. Особо можно отметить существование так называемого негативного «византийского мифа», который обычно не формулируется на уровне правовых или экономических категорий, но незримо наличествует в пространстве межкультурного диалога и в понимании европейской идентичности. Проще говоря, отношение многих западных авторов к православной Европе и вообще к государствам византийской культуры – это отношение к «недо-Европе» или к Европе второго сорта, которую необходимо воспринимать и просвещать. На фоне греческого кризиса в зарубежной прессе в последнее время все чаще пытаются обвинить во всем происходящем православную культуру и ментальность. Более того, теперь заговорили даже о «православной экономике», свойственной странам с доминированием православной традиции, таким как Греция, Болгария, Украина и Россия. Проводится мысль, что инвестировать и кредитовать подобного рода православные экономики бессмысленно, так как результат будет только негативный [13].

Подобного рода обвинения в адрес православной традиции западных авторов, на наш взгляд, достаточно огульны и тенденциозны. Они практически не учитывают положительный опыт православных стран в хозяйственной сфере. В частности, забывается опыт «старообрядческого капитализма», который является самобытным феноменом экономической истории России. Неслучайно, многие дореволюционные российские предприниматели, в том числе и основатели знаменитых семейных династий коммерсантов (Гучковы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Хлудовы и др.) являлись представителями старообрядческой среды. Старообрядческие толки зачастую представляли собой своеобразные религиозно-экономические компании. Сами староверы не растрчивали богатства, которые доставались им в наследство. На-

оборот, они всячески пытались увеличить фамильное состояние, находившееся в их ведении, вкладывая имеющиеся средства в дело. Исследователи отмечают такие их качества, как расчетливость, предприимчивость, усидчивость, усердие, настойчивость, деловитость, целеустремленность. Данные особенности их ментальности обуславливали и характеризовали стиль и деловую этику бизнесменов–староверов.

Говоря о современном опыте, необходимо отметить, что совсем недавно (в конце 2014 г.), Русская Православная Церковь предложила план выхода из финансового кризиса. По мнению Председателя Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского Патриархата, протоиерея Всеволода Чаплина, российскую экономику может защитить новая православная финансовая система. Известно, что идею православного банкинга Всеволода Чаплин продвигает давно, но о конкретном плане, который уже разработан группой неназванных финансистов, он сообщил только в ноябре 2014 г. на пресс-конференции ТАСС. «Необходимо наращивать роль механизмов, не основанных на ростовщичестве... иначе неизбежный конец финансового пузыря, работающего по принципу «деньги делают деньги», может привести к катастрофическим последствиям или даже к большой войне, на которую можно было бы списать все», – пояснил Всеволод Чаплин. По словам представителя РПЦ, православный банкинг предполагает «выделение средств не под процент, а под прибыль будущего предприятия, а также отказ от участия в денежных потоках от производства табачной и алкогольной продукции, игорного бизнеса, использования труда нелегальных мигрантов и других вещей, которые не одобряются христианством» [14].

Возвращаясь к концепции М.Вебера, необходимо отметить, что он, рассматривая основные религии мира по способу отношения к «миру», выделял три основных типа. Каждый из данных типов предлагает свою жизненную установку, направленность общественного действия, тип и стиль хозяйственно-экономической деятельности. Конфуцианство М.Вебер называл религией «приспособления к миру». Для таких авраамических монотеистических религий, как иудаизм, христианство и ислам, по его мнению, свойственна склонность к «овладению миром». При этом для религий индийского происхождения – буддизма и индуизма – характерно стремление отхода от мира. «Ортодоксальные и гетеродоксальные, индуистские и буддистские ученые мужи (Gebildete) ...», – пишет М. Вебер, – находили сферу своих подлинных интересов далеко за пределами явлений этого мира – в поисках мистического, вневременного спасения души и бегства от бессмысленного механизма «колеса» бытия» [6, с. 22].

В индубуддийском мире, по мнению М.Вебера, отсутствует, ключевое для экономики Запада рациональное обоснование стремления к обогащению и его включение в систему этики, как это было осуществлено в протестантизме. «Но для этого в религиозном развитии Азии отсутствовали необходимые предпосылки. Как должны были бы они возникнуть на почве религиозности, которая даже и мирянину рекомендовала как достойную с религиозной точки зрения жизнь в качестве святого (Bhagat), т.е. в качестве святого аскета, причем не только как цель для стариков (Altersziel), но даже и временное существование в качестве нищего бродяги (Wanderbettler) в течение тех периодов его жизни, когда он был свободен от труда (arbeitsloser Zeiten seines Lebens), и делала это не без успеха» [6, с. 21].

Таким образом, анализируя основополагающие культурно-исторические типы мировоззрения, М.Вебер противопоставлял западный тип, ориентирующийся на овладение мира, индуистско-буддийскому, определяя социальную позицию последнего как «бегство от мира». Последователи М.Вебера стремились подкрепить мнение об иррационализме буддизма и его несовместимости не только духу капитализма, но и социально-экономическому прогрессу в целом [15].

Мнение М. Вебера о низком экономическом потенциале буддизма разделяют не все ученые. Некоторые исследователи полагают, что М. Вебер заблуждался в своих принципиальных оценках буддийской культуры, подчеркивая его негативное влияние на предпринимательскую деятельность и экономику. По их мнению, выводы, сформулированные М. Вебером, носят во многом абстрактный характер и далеки от действительности. Они отмечают, что буддизм способен выполнять конструктивные и прогрессивные функции, содействуя социально-экономической модернизации

Одним из первых о существовании буддийской хозяйственной культуре начал говорить австрийский социолог и экономист Э. Шумахер, который сформулировал концепцию «буддийской экономики». Поскольку, отмечал Шумахер, существует понятие «буддийский образ жизни», то должно существовать и понятие «буддийская экономика». Буддийская экономика, по его мнению, отличается от других систем тем, что буддизм видит суть цивилизации не в увеличении потребностей, а в очищении самого человека. Буддизм ставит творческую деятельность личности выше потребления и производства, которые не являются самоцелью. Кон-

цепция буддийской экономики рассматривается в его книге «Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение» [18], которая послужила источником вдохновения для таких общественных движений, как «Справедливая торговля» (Fair Trade) и «Покупай местное» (Buy Local). Данная работа была удостоена престижной Европейской премии Шарля Вейона за эссеистику и была включена «Times Literary Supplement» в список 100 наиболее влиятельных книг, опубликованных после Второй мировой войны.

Особо необходимо отметить идеи японского философа и экономиста Шиничи Иноу, который попытался объединить мудрость буддийской философии с современной экономикой и управлением в успешном деловом мире Японии. Экономическая модель, которую он описал в своей работе, известна как «буддийская экономика Японии». Он также составил книгу под названием «Буддизм в работе: новый подход к управлению и бизнесу». Его буддийская экономическая философия повлияла на японских экономистов, промышленников, предпринимателей, бизнесменов и корпоративных лидеров. Иноу – председатель «Фонда проповеди буддизма» и член Буддийского экономического научно-исследовательского института при Университете Котазавы. Благодаря его влиянию многие ведущие японские предприниматели включили буддийские принципы и медитативные методы в свою повседневную деятельность, чтобы развивать более гуманную и нравственную бизнес-атмосферу [8].

Опираясь на буддийскую философию, Иноу выдвинул теорию Серединного Пути буддийской экономики, которая представляет собой идеальную модель, находящуюся между капитализмом и социализмом. Капитализм, отмечает он, основан на уважении к основным правам человека и частной собственности, в то время как социализм отстаивает равное распределение богатства. Сила капитализма – в свободном рынке и соревновании, которые позволяют реализовать потенциальные возможности предпринимателей. Его явный недостаток – эксплуатация сильными или жадными слабыми для личной финансовой или материальной прибыли. Преимущество социализма состоит в том, что правительство или государство контролирует или регулирует распределение богатства. Чрезмерные налогообложения способных предпринимателей и прилежных рабочих в пользу малоспособных и ленивых препятствуют индивидуальным инициативам, усердию и старательности. Это ограничивает развитие человеческого потенциала. Согласно Иноу, наивысшая польза – это практика Серединного Пути, в которой идеи капитализма и социализма объединены. Такая экономическая модель известна под названием «смешанной экономики». Серединный Путь буддийской экономики гарантирует жизнеспособное развитие экономики. При этом он не наносит большого вреда окружающей среде и человеческим ресурсам [8].

В современной экономической науке отчетливо заметна тенденция изучать влияние культуры и религии на функционирование экономики. В настоящее время наибольший интерес в этом плане представляют страны Азии, в частности регионы, где доминирует конфуцианство в связке с буддизмом (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур). Известно, что конфуцианство и буддизм оказали большое влияние на формирование деловой этики в Японии, Китае и других странах Дальнего Востока. В XXI в. мировой капитал перемещается в Восточную и Юго-Восточную Азию, где распространены эти религии. Не случайно во время последнего экономического кризиса зафиксирован рост численности миллиардеров именно в Азии. Как считают многие исследователи, стремительный экономический рывок стран Юго-Восточной Азии во многом определяется именно идеологией конфуцианства, которая принята не только в Китае, но и в Японии, Южной Корее, Вьетнаме, Сингапуре и т.д. Конфуцианство является основой единства и целостности региона, позволяя ему противостоять экспансии либеральных идей.

В конфуцианской модели экономики предпочтение отдается не конкуренции и разнообразию мнений, а сотрудничеству и согласию. Высшими ценностями являются справедливость, коллективизм, уважение иерархических отношений, надлежащее поддержание порядка и стабильности. Конфликт идей и групп рассматривается здесь как непродуктивный и вредный. В то же время слабостью конфуцианства является чрезмерное доминирование «этики чувства долга» и коллективизма. Конфуцианская экономика, таким образом, значительно отличается от классического протестантского капитализма.

Конфуцианская экономика в каждой стране Дальнего Востока имеет специфические качества. Так, например, в Китае ключевым качеством выступает человеколюбие, в Японии же основное внимание уделяют преданности. Вероятно, в культивировании гуманизма, преданности и коллективизма, следовании традиционным правилам кроется одна из причин успехов стран Дальнего Востока.

Концепции «исламской экономики» и «исламского социализма» ставят «кораническую» концепцию общества и исторического развития во главу угла и считают реализацию нравственных ценностей ислама первичной по отношению к материальному благосостоянию и экономическому прогрессу» [11, с. 52].

Долгое время исламская экономика представляла собой довольно отвлеченную теорию. Все изменилось после победы Исламской революции в Иране. «В ходе реализации теории «исламского правления» встал вопрос о применении на практике положений исламской экономики. В качестве идеологической основы для проведения реформ по исламизации была взята книга исламского интеллектуала и первого президента Ирана Аболхасана Банисадра «Тоухидная экономика». Банисадр стал главным экономическим идеологом в молодой Исламской республике» [2, с. 22–23].

В.П. Цуканов выделяет основные признаки тоухидной экономики: 1) с точки зрения тоухидной экономики, главная проблема заключается в неправомерном распределении материальных благ. Главной акцент в тоухидной экономической модели делается не на производстве материальных благ, а на их распределении, потреблении и обмене. Эксплуатация здесь считается не следствием безвозмездного присвоения, а результатом неверного применения прибавочного продукта и прибавочной стоимости; 2) отвержение взаимосвязи между увеличением частной собственности и товарно-денежным характером производства; 3) автаркия как средство освобождения от экономической и политической зависимости от других стран [17, с. 130–131].

Следующий пример влияния ислама на экономику связан с исламской банковской системой. Дело в том, что главная задача исламской экономики, начиная с 1970-х гг., виделась ее идеологам и практикам в создании исламских банков и других финансовых институтов в рамках традиционной (неисламской) финансовой системы. Известно, что Коран запрещает ростовничество во всех формах, то есть ссуживание денег под процент. Чтобы заниматься кредитованием мусульманские банки, по факту, превращаются в подобие венчурных фондов, разделяя с бизнесом риски получения прибыли. Многие экономисты считают, что в таком подходе – будущее банковской системы.

Институты, которые функционируют на данных принципах, в том числе исламские банки, страховые, инвестиционные и лизинговые компании, фонды, развиваются крайне динамично. Они занимают все более важные позиции в глобальной экономике. Например, совокупные активы исламских банков превышают 160 млрд. долл. и ежегодно возрастают на 10–15 %. Некоторые из этих учреждений уже выросли в крупные многопрофильные корпорации. Важным элементом инфраструктуры исламской финансовой системы являются многочисленные мусульманские страховые, банковские и деловые союзы и ассоциации, а также мусульманские бухгалтерские организации, консалтинговые компании, юридические, аудиторские и рекрутинговые фирмы [10, с. 6].

В целом, характеризуя отношение ислама к экономике, можно отметить, что он рассматривает любые хозяйственно-экономические действия с позиции пользы для социума. Личная выгода здесь является второстепенным фактором. Для мусульманина основной целью экономической деятельности должна быть забота о благополучии всего общества. Наряду с этим у каждого мусульманина по шариату существует благочестивая обязанность, которая заключается в приобретении мирских благ, достаточных для обеспечения себя и близких. Она узаконивает стремление каждого человека к достижению материального благополучия. Поэтому в числе других прав ислам признает, и право владения собственностью, которое рассматривается в качестве созидательного фактора для социального прогресса и поэтому «создает законы, гарантирующие человеку владение всем тем, что он приобрел правильными, должными и законными средствами» [10, с. 6].

Таким образом, позитивное влияние религии на экономическое развитие не ограничивается только протестантизмом. Следует отметить, что веберовский «идеальный тип» капитализма основывается на этике достаточно узкой группы населения Западной Европы – представителях некоторых протестантских сект. При этом сегодня в странах Западной Европы трудовая и деловая этика находятся в кризисе из-за секуляризации общества, а также сильного смещения акцента с чувства долга на осуществление индивидуальных свобод и прав. Другие конфессии и религии также оказывают воздействие на хозяйственное развитие и деловую этику. Особо необходимо отметить теории, которые вводят хозяйственно-экономическую деятельность в контекст духовной жизни общества и подчеркивают ее подчиненное положение высшим духовно-нравственным идеалам и ценностям самобытных цивилизаций – буддийской, конфуцианской, исламской, и т.д.

Список литературы

1. Архипова Е.А. Из истории изучения роли старообрядцев в развитии экономики России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4. – С.240–248.

2. Беккин Р.И. Исламские теории социально-экономического развития в мусульманском мире: сходства и различия // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 5. – Вып.4. – 2012. – С. 12–32.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: Има-пресс, 1990. – 288 с.
4. Булгаков С.Н. Два града: Исследования о природе общественных идеалов. – СПб.: Изд-во О.Абышко, 2008.–736 с.
5. Василенко И.А. Православная этика и цивилизационный архетип русской власти // Трибуна русской мысли. 2002. – №2. – С. 115–125.
6. Вебер М. Общий характер азиатской религиозности // Личность. Культура. Общество. Т.ХI. Вып.4. – 2009. – № 51–52. – С.14–26.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.61–135.
8. Вонг К. Буддийская экономическая мудрость Шиничи Иноу. – Режим доступа: <http://buddha.by/buddhiskaya-ekonomicheskaya-mudrost-shinichi-inou>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Давыдов Ю.Н. Вебер и Булгаков (Христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 54–73.
10. Джабиев А.Н. Исламская финансовая система России // НГ-Религия. –1998. – №1. – 23 января. – С. 6.
11. Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах // Вопросы философии. – 2001. – №10. – С. 45–56.
12. Кириллов И.А. Правда старой веры. – Барнаул: Издательство Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы, 2008. – 502 с.
13. Лидов А. Византийский миф и европейская идентичность. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/04/08/byzantine/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. РПЦ предложила план выхода из финансового кризиса. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/12/22/rpcrcrisis/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Старостина Ю.П. Современный буддизм и проблемы социально-экономического развития в Южной и Юго-Восточной Азии. – М.: ИНИОН АН СССР, 1985. – С. 25–52.
16. Федотова В.Г., Кросс Ш. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. – 2006. – №2. – С. 41–51.
17. Цуканов В. Концепция «тоухидной экономики» в ИРИ // Специальный бюллетень Института востоковедения Академии наук СССР. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 129–131.
18. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Э.Шумахер. – М.: Изд-во ВШЭ, 2012.–352 с.

References

1. Arhipova E.A. Iz istorii izuchenija roli staroobradcev v razvitii jekonomiki Rossii (konec XIX – nachalo XX v.) [From the history of the study of the role of the Old Believers in the development of the Russian economy (the end of XIX – early XX century.)]. Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. 2012, no.4, pp.240–248.
2. Bekkin R.I. Islamskie teorii social'no-jekonomicheskogo razvitija v musul'manskom mire: shodstva i razlichija [Islamic theory of socio-economic development in the Muslim world: similarities and differences]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik St. Petersburg University]. Serija 5. V.4. 2012, pp. 12–32.
3. Berdjaev N.A. Filosofija neravenstva [Philosophy of inequality]. Moscow: Ima-press, 1990. 288 p.
4. Bulgakov S.N. Dva grada: Issledovanija o prirode obshhestvennyh idealov [Two Cities: Studies on the nature of social ideals]. St.Petersburg.: Izd-vo O.Abyshko, 2008. 736 p.
5. Vasilenko I.A. Pravoslavnaja jetika i civilizacionnyj arhetip russkoj vlasti [Orthodox ethics and civilizational archetype Russian authorities]. Tribuna russkoj mysli [Tribune Russian thought]. 2002, no.2. p.115–125.
6. Veber M. Obshhij harakter aziatskoj religioznosti [The general character of Asian religiosity]. Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo [Personality. Culture. Society]. T.XI. V.4. 2009, no.51–52. pp.14–26.
7. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Veber M. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow: Progress, 1990, pp.61–135.
8. Vong K. Buddijskaja jekonomicheskaja mudrost' Shinichi Inou [Buddhist economic wisdom Shinichi Inoue]. Available at: <http://buddha.by/buddhiskaya-ekonomicheskaya-mudrost-shinichi-inou>
9. Davydov Ju.N. Veber i Bulgakov (Hristianskaja askeza i trudovaja jetika) [Weber and Bulgakov (Christian asceticism and work ethic)]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 1994, no.2, pp.54–73.
10. Dzhabiev A.N. Islamskaja finansovaja sistema Rossii [The Islamic financial system in Russia]. NG-Religija [NG-Religion]. 1998, no.1, 23 of January, pp.6.
11. Zarubina N.N. Bez protestantskoj jetiki: problema sociokul'turnoj legitimizacii predprinimatel'stva v modernizirujushihhsja obshhestvah [Protestant ethic: the problem of social and cultural legitimization of business in modernizing societies]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 2001, no.10, pp.45–56.
12. Kirillov I.A. Pravda staroj very [The truth of the old faith]. Barnaul: Izdatel'stvo Fonda podderzhki stroitel'stva hrama Pokrova Presvjatye Bogorodicy, 2008, 502 p.
13. Lidov A. Vizantijskij mif i evropejskaja identichnost' [Byzantine myth and European identity.]. Available at: <http://polit.ru/article/2010/04/08/byzantine/>
14. RPC predlozhila plan vyhoda iz finansovogo krizisa [The Russian Orthodox Church has proposed a plan to emerge from the financial crisis]. Available at: <http://lenta.ru/news/2014/12/22/rpcrcrisis/>

15. Starostina Ju.P. Sovremennyy buddizm i problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya v Juzhnoj i Jugo-Vostochnoj Azii [Modern Buddhism and problems of social and economic development in South and South-East Asia]. Moscow: INION AN SSSR, 1985, pp.25–52.
16. Fedotova V.G., Kross Sh. Pravoslavie, Veber i novyj russkij kapitalizm [Orthodox, Weber and the new Russian capitalism]. Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social studies and the present], 2006, no.2, pp. 41–51.
17. Cukanov V. Konceptija «tuhidnoj jekonomiki» v IRI [The concept of «Tawhid economy» in Iran]. Special'nyj bjulleten' Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR [Special Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: INION AN SSSR, 1981, pp.129–131.
18. Schumacher E. Maloe prekrasno. Jekonomika, v kotoroj ljudi imejut znachenie [Small is Beautiful: Economics as if People Mattered]. Moscow: Izd-vo VShJe, 2012, 352 p.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Верезгова Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент

Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики
119454, Российская Федерация, г. Москва, просп. Вернадского, 78
E-mail: viv-vera@mail.ru

Статья посвящена анализу предпосылок институционализации связей с общественностью в начале XX в. Отмечаются изменения в социальной сфере общества, вызванные макрекерством и приведшие к необходимости профессионального обособления деятельности по достижению социального согласия. Проанализированы различные социально-философские подходы к изучению общества и общественного мнения.

Ключевые слова: связи с общественностью, общество, толпа, общественное мнение, манипулирование, стереотипы, масс-медиа

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL BACKGROUND OF THE INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Verезgova Irina V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation
78 Vernadskiy ave., Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: viv-vera@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the conditions of institutionalization of public relations in the early twentieth century. There have been changes in the social sphere of society, caused by maxrecursion and led to the necessity of professional isolation efforts to achieve social cohesion. Analyzed various social and philosophical approaches to the study of society and public opinion.

Keywords: public relations, community, crowd, public opinion, manipulation, stereotypes, media

В начале XX в. происходит становление нового социального института связей с общественностью. Институционально оформляется деятельность, чей возраст насчитывает тысячи лет.

Всевозможные средства для влияния, воздействия на общество всегда были в арсенале человечества. Среди них ораторские выступления на агоре в античной Греции, фрументации (раздача хлеба, зерна населению) в Древнем Риме, донаторство в средневековой Европе, объявления и реклама, печатавшиеся в первых европейских газетах и т.д. И лишь к началу XX в. весь этот практический и технологический опыт, все средства были объединены в масштабах одной профессии – специалиста по связям с общественностью.

Изменившиеся реалии начала XX в., становление и развитие индустриального общества и углубляющаяся социальная дифференциация, формирование и практическая реализация демократических принципов политического режима, развитие средств массовой информации привели к необходимости общественного диалога.

Особенно актуально это стало в начале XX в., когда в Америке стало набирать силу макрекерство (движение «разгребателей грязи», грязекопательство). Представители этого движения, среди которых Линкольн Стеффенс, Эптон Синклер, Ида Тарбелл и другие, ставили перед собой задачу предать гласности обман, мошенничество крупных корпораций, злоупотребления промышленников, биржевых дельцов, коррупцию и взяточничество правительственных чиновников. Призывая к честности и соблюдению законности, макрекеры надеялись реформировать общест-